

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

**ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ОТРАЖЕНИЕ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Александр Алексеевич Илиджев,
Казанский юридический институт МВД России,
Казань, Россия,
ilidsasha@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье исследуются юридическая природа и генезис Особенной части уголовного законодательства России при неразрывной взаимосвязи с его Общей частью.

Материалы и методы: методологическую основу статьи составил всеобщий диалектический метод познания при исследовании вопросов становления и формирования Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в симбиозе с его Общей частью. При решении определенных задач в работе использованы общенаучные исследовательские методы, в частности, сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, а также применялся анализ как частнонаучный метод познания.

Результаты исследования: в целях определения генезиса и развития Особенной части, ее функционального назначения в соотношении с Общей частью определены и выявлены закономерные связи обеих частей уголовного законодательства, рассмотрены приемы законодательной техники их формирования.

Обсуждение и заключение: проведенное исследование позволило выделить основные этапы становления и развития Особенной части как элемента уголовного права, обосновать, что представления некоторых ученых о ее первичности сомнительны, а сама постановка вопроса является методологически неверной. Выявлены и обоснованы приемы законодательной техники, заимствованные из математики, использовавшиеся при формировании и обособлении как Особенной, так и Общей частей уголовного законодательства. Анализ рассмотренных вопросов подтверждает, что Особенная часть уголовного права отражает уголовно-правовую политику государства на определенном историческом этапе его развития.

Ключевые слова: закономерная связь; генезис; обобщение; часть; обособление; элемент; система; подход; законодательная техника

© Илиджев А.А., 2023

Для цитирования: Илиджев А.А. Особенная часть уголовного права как отражение уголовной политики российского государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 67 – 74. DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

Scientific article
UDC 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

THE SPECIAL SECTION OF THE CRIMINAL LAW AS A REFLECTION OF THE CRIMINAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE

Ilijev Alexander Alekseevich,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Russia, Kazan, ilidsasha@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article examines the legal nature and the genesis of the Special Part of the criminal legislation of Russia with an inextricable relationship with its General Part.

Materials and Methods: the methodological basis of the article was the general method of dialectical epistemology in the study of the legal nature of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, its relationship with its General Part. When solving certain challenges, general scientific research methods were used in the work, in particular, comparative legal, system and structural, legal modeling, linguistic, and analysis were also used as a special scientific method of cognition.

Results: in order to determine the genesis and development of the Special Part, its functional purpose in relation to its General Part, the regular connections of both parts of the criminal legislation were determined and revealed, and the methods of legislative technique for their formation were considered. The study of these issues in the best way contributed to the identification of the specifics of the Special Part of the criminal legislation.

Discussions and Conclusions: the study made it possible to single out the main stages in the formation and development of the Special Part as an element of criminal law, to substantiate that the ideas of some scientists about its primacy are doubtful, and the very formulation of the question is methodologically incorrect. The methods of legislative technique, borrowed from mathematics, used in the formation and isolation of both the Special and the General parts of the criminal legislation are identified and substantiated. An analysis of the issues discussed confirms that the Special Part of Criminal Law reflects the criminal law policy of the state at a certain historical stage of its development.

Keywords: regularities; genesis; development; isolation; element; system; technique; legislative technique
© Ilijev A.A., 2023

For citation: Ilijev A.A. The Special Section of the Criminal Law as a Reflection of the Criminal Policy of the Russian State. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(1): 67 – 74. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.36.32.009

Введение

В уголовно-правовой литературе существует мнение о первичности Особенной части уголовного законодательства, что мы подчеркивали ранее в рамках исследования дефиниции некоторых уголовно-правовых категорий [1, с. 60]. На наш взгляд, является неверной сама постановка вопроса о том, что появилось раньше – Особенная или Общая часть уголовного права, она ошибочна методологически, противоречит логической операции деления целого на части. Анализ исторических этапов становления и развития Особенной части уголовного права подтверждает тезис об одновременном появлении обеих частей уголовного законодательства. Общая и Особенная части находятся в закономерной связи.

При исследовании вопросов сущности Особенной части уголовного права необходимо рассмотреть законодательные приемы ее форми-

рования, которые позволяют выделить большое значение обособления уголовного законодательства на две части. Данный подход позволяет предположить, что Особенная часть уголовного права в большей мере, чем Общая его часть, отражает уголовно-правовую политику государства на определенном этапе эволюции.

Обзор литературы

Проблемам уголовно-правового осмысления истоков Особенной части, ее генезиса и формирования, специфики, а также обособления и соотношения с Общей частью УК РФ и их развития в истории отечественного уголовного права посвящены научные работы А.И. Чучаева, А.И. Бойко, А.И. Бойцова, Ю.А. Демидова, М.С. Жука, Н.А. Лопашенко, И.Я. Козаченко, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, А.И. Коробеева, В.Д. Филимонова, В.Г. Беспалько, Э.В. Георгиевского, С.М. Соловьева, И.М. Рагимова, А.М. Яковлева.

Результаты исследования

В ходе исследования установлено, что Общая и Особенная части уголовного законодательства, исходя из их функционального назначения в уголовном праве, находятся в дихотомической связи. Как известно, под дихотомией понимается раздвоенность, последовательное деление на две взаимоисключающие части, более связанные внутри, чем между собой [2]. Основанием для такого деления логики признают наличие или отсутствие видообразующего признака [3].

Весь массив уголовно-правового материала можно разделить на Общую и Особенную части только в том случае, если соответствующие положения (нормы) содержатся в делимом целом. Другими словами, обособить, вычленив Общую или Особенную часть реально лишь тогда, когда они в том или ином виде объективно существуют и входят в уголовное право как отрасль права. Иное противоречит здравому смыслу. Согласно парафразу основного положения эпикурейской философии Лукреция, *ex nihilo nihil fit* (из ничего и ничего не бывает) [4, с. 146].

Довод о возникновении в начале Особенной части (норм Особенной части) опровергается генезисом и развитием уголовно-правового регулирования общественных отношений. Если в нормах, например, Русской правды в любой из ее редакций или иных нормативных актах тех лет видеть лишь истоки Особенной части, то тогда теряется одна из важных характеристик положений уголовного права – наказуемость деяния. Между тем нет ни одного уголовно-правового запрета, не содержащего карательного элемента, иначе говоря, наказания за его нарушение, что, бесспорно, относится к положениям Общей части уголовного права. Более того, можно выделить виды однородных наказаний.

Во многих нормах есть упоминание о вине, субъекте преступления, потерпевшем (например, ст. 1 Пространной редакции гласит: «если убьет муж мужа...»¹ [5, с. 89]), об обстоятельствах, исключающих наказуемость деяния. Нормы дошедших до нас первых правовых памятников свидетельствуют, что они, кроме собственно уголовно-правового запрета (элемента Особенной части уголовного права), содержали положения его Общей части.

Таким образом, обе части уголовного законодательства исторически развиваются в рамках одних и тех же актов. Соответственно, возникают и закрепляются некие положения в обеих частях

уголовного законодательства, причем как вытекающие из одной из них, так и относительно самостоятельные. Более того, продолжительное время они сосуществуют в некоем симбиозе. В связи с изложенным нет ни социальных, ни правовых причин преувеличивать или принижать значение Особенной части для развития Общей части уголовного законодательства.

Требовалось время, в течение которого накапливался и обобщался законодательный материал. Это позволило использовать прием законодательной техники, который характеризует пандектный принцип; в математике ему соответствует правило скобок. За скобки выносятся (Общая часть) те положения уголовного права, что относятся ко всем без исключения установлениям, находящимся внутри скобок (Особенная часть). Выделим некоторые положительные свойства данного приема: существование уголовного права без деления на Общую и Особенную части возможно и в настоящее время; в этом случае все то, что сейчас относится к Общей части, необходимо указать применительно к каждой статье Особенной части уголовного законодательства. Но это обстоятельство как раз и подчеркивает, на наш взгляд, значение деления уголовного права на две рассматриваемые части.

Наконец, приведем формальный довод, свидетельствующий об одновременном обособлении обеих частей уголовного права. Применительно к Общей части свою историю в качестве относительно самостоятельного элемента уголовного права она отсчитывает с 1813 г. – даты разработки проекта уголовного законодательства, внесенного на обсуждение в Государственный совет и опубликованного для обсуждения.

Полагаем, что для характеристики этапов становления и развития Особенной части как элемента уголовного права следует выделить те же периоды, что можно отнести и к Общей его части:

1) становление Особенной части в рамках некодифицированного уголовного законодательства России (X – XVIII вв.);

2) структурное обособление Особенной части в системе российского законодательства (1813 – 1845 гг.);

3) развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного законодательства (1845 – 1996 гг.).

Такой подход не только соответствует объективным обстоятельствам эволюции рассматриваемого элемента уголовного права, но и позволяет показать корреспондирующие связи Особенной

¹ В качестве потерпевшего также упоминаются гридин, мечник, огнищанин, ябетник и др.

части с положениями Общей части уголовного законодательства.

Особенная часть уголовного права, будучи относительно самостоятельным элементом уголовного права России, в большей мере, чем Общая часть, отражает уголовно-правовую политику государства на определенном историческом этапе. Это обусловлено тем, что именно в ее нормах непосредственно представлены уголовно-правовые запреты, таким образом, очерчен круг уголовно-наказуемых деяний, закреплены санкции за их нарушение.

По справедливому утверждению А.В. Малько, сама уголовно-правовая политика возникла потому, что сформировалась потребность противодействия преступности как одной из наиболее значимых проблем общества [6, с. 240].

В Особенной части уголовного права наиболее ярко находят отражение такие значимые аспекты уголовно-правовой политики, как:

1) криминализация общественно опасных деяний и определение их круга; декриминализация преступлений – процесс, диаметрально противоположный криминализации, заключающийся в исключении деяния из числа преступлений¹ [7, с. 60];

2) пенализация деяний² [8], т.е. определение характера и степени наказуемости криминализуемых деяний. Определенная законодателем «санкция сводит общественную опасность преступления к одному показателю – к степени общественной опасности, а меру ее оценки – к мере наказания» [9, с. 98]; депенализация, т.е. «неприменение наказания за совершение уже криминализованных деяний, смягчение в законе их наказуемости, а также установление в законе и применение на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания» [8, с. 141].

Криминализация и пенализация представляют собой две стороны одного и того же явления или, справедливо отмечает А.И. Коробеев, дорогу с двусторонним движением.

В.Д. Филимонов указывал, «что генезис уголовно-правового регулирования... образует социальная потребность в таком воздействии норм уголовного права на общественные отношения, которое способно путем предоставления субъектам этих отношений тех или иных прав и возло-

жения на них тех или иных обязанностей противопоставить антиобщественным интересам лиц, способных совершить либо совершивших преступления, общественные интересы» [10, с. 62]. Следовательно, в результате использования запретов и обеспечения их соблюдения силой государственного принуждения власть добивается соответствующего поведения членов общества.

Как подчеркивал К. Маркс, «само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их» [11, с. 516]. В этом случае проблема заключается в определении оснований криминализации, вызывающей много споров в уголовно-правовой науке, а следовательно, в обеспечении социальной обусловленности норм, из которых формируется Особенная часть уголовного права. Ученые не пришли к единому выводу ни о количестве правообразующих факторов, которые обуславливают допустимость, возможность, целесообразность и социальную приемлемость признания деяния преступлением (основанием может быть одно или несколько обстоятельств), ни об их сути, ни даже их названии [12].

Как известно, запрет в качестве регулятора общественно значимого поведения появился еще до возникновения государства и права. Табу явилось прототипом норм Особенной части (наряду с кровной мстью [13, с. 412-416]) так называемого обычного уголовного права, составило его основу.

По утверждению ряда авторов, корни уголовно-правовых запретов можно найти в «Пятикнижии» Моисея. «Законодательство Моисея – это первые систематизированные и писанные законы, данные Богом. Их можно с полным основанием охарактеризовать как первое слово Господа Бога в области права... Все, что было в юриспруденции государств, по крайней мере христианской ориентации, изначально исходило из законов Моисея» [14, с. 54]. Не соглашаясь с этим утверждением, В.Г. Беспалько замечает, что корни уголовного права восходят к самым древним временам библейской истории человечества – периоду жизни первых людей Адама и Евы. А первым в истории человечества уголовно-правовым установлением следует считать библейскую заповедь, данную Богом Адаму после его поселения «в саду Едемском»: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от

¹ В научной литературе высказывалось мнение, согласно которому декриминализация может носить как императивный (абсолютный), так и факультативный характер, когда право окончательного решения вопроса о том, влечет ли данное действие уголовную или иную (административную, общественную) ответственность, закон предоставляет органам правосудия.

² В теории уголовно-правовой политики нет единого мнения относительно самостоятельного характера пенализации. Выделяются два вида пенализации: легальная (наказуемость деяния, отраженная в законе) и судебная (практика назначения наказания).

дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 16–17) [15].

И.М. Рагимов убедительно продемонстрировал основы уголовного права, имеющиеся в Священных Писаниях, а также в религиях, не основанных на Божественных посланиях [16; 17].

По мнению И.Я. Козаченко, «можно с определенной долей уверенности заметить, что первое преступление появилось там и тогда, где и когда общественная (публичная) жизнь человека и людей была оплодотворена идеей запрета. И хотя запрет есть язык слабого, этот прием оказался по вкусу сильным мира сего, хотя, как потом выяснилось, малопродуктивным» [18, с. 15]. Однако последнее обстоятельство никак не влияло на применение уголовной репрессии в качестве одного из средств борьбы за власть или ее сохранение. Это подтверждает обращение к истории формирования Особенной части уголовного права России, как, впрочем, и любого другого государства.

Если слабость государственной власти и могущественное положение представителей «семей и хозяйств» в период создания и действия Русской Правды, как отмечал М.А. Дьяконов, обуславливали специфические отношения между государством и потерпевшим, с одной стороны, и преступником – с другой [19, с. 1], то в последующем, начиная с преодоления феодальной раздробленности и создания Московского государства, уголовное право становится важной опорой централизованной государственности; это, в свою очередь, влечет расширение и ужесточение репрессии, что находит отражение во многих уголовно-правовых запретах.

В смутное время происходит дальнейшее ужесточение реакции власти на нарушение уголовно-правовых запретов, что особенно заметно по правоустановлениям Соборного уложения 1649 г. Эта тенденция сохраняется и в последующем, в частности в период абсолютной монархии в России при Петре I [20, с. 404]. Артикул воинский 1715 г. во многом посвящен защите власти, характеризует изменение уголовно-правовой политики государства, признание безусловно приоритетной охрану отдельных видов управленческой деятельности государственного аппарата.

XVIII в. вошел в историю как эпоха дворцовых переворотов, что уже само по себе предполагает

усиление репрессий в связи с государственными преступлениями, и в первую очередь с заговорами.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором формально уже можно выделить в качестве самостоятельного элемента Особенную часть уголовного права, формулировки конкретных уголовно-правовых запретов противоречат общим его установлениям. Это обусловлено, как отмечается в научной литературе, тремя обстоятельствами:

1) максимальным следованием системе Свода законов Российской империи;

2) устранением обнаруженной судебной практикой и доктриной уголовного права неполноты правового регулирования XV тома указанного Свода;

3) необходимостью устранения неопределенных санкций, имевших место в большом количестве в предыдущих нормативных актах [21, с. 459].

Однако следует отметить, что общее усиление репрессивности Уложения о наказаниях произошло не за счет усиления наказуемости определенных нарушений уголовно-правовых запретов, а за счет объема криминализации деяний.

Уголовное уложение 1903 г. в полном объеме никогда не вводилось в действие, в первую очередь частично вступила в действие его Особенная часть. Беспрецедентная для неповоротливой законодательной власти оперативность объяснялась просто – страх перед народными революциями... Поспешно введенные в действие главы входили в очевидное противоречие с принципом законности, закрепленным в понятии преступления как деяния и ненаказуемости убеждений, ненаказуемости самого по себе умысла и его обнаружения вовне [22, с. 147].

В первые годы советской власти уголовно-правовая политика была ориентирована на подавление свергнутых классов, обеспечение функционирования социалистического государственного аппарата, а затем и проведения коллективизации на селе, что уже само по себе предполагало суровую репрессию за нарушение уголовно-правовых запретов. Об этом свидетельствуют принимавшиеся в это время нормативные правовые акты. По мере укрепления власти большевиков репрессивность уголовного права стала снижаться, особенно это можно заметить на примере Уголовного

¹ С.М. Соловьев приводит курьезный пример: «...император, слушая в Сенате дело о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: “Напиши именным указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен”». Реакция генерал-прокурора, как явствует из дальнейшего описания ситуации, была своеобразной. «Государь, – ответил Ягужинский, – неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой». Петр рассмеялся, ничего не сказав в ответ.

кодекса РСФСР 1960 г., однако избыточность уголовно-правового регулирования не была устранена, а попытки решить социально-экономические проблемы уголовно-правовыми средствами были заведомо обречены на провал.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование подтвердило следующие выводы:

- Общая и Особенная части, исходя из их функционального назначения в уголовном праве, находятся в дихотомической связи, которая понимается как раздвоенность, последовательное деление на две взаимоисключающие части, более связанные внутри, чем между собой. Основанием для такого деления в логике признается наличие или отсутствие видообразующего признака;

- довод о возникновении в начале Особенной части (норм Особенной части) опровергается генезисом и развитием уголовно-правового регулирования общественных отношений. Требовалось время, в течение которого накапливался и обобщался законодательный материал. Послед-

нее приводило к дифференциации уголовно-правовых предписаний по степени их обобщения и на определенном этапе позволило использовать прием законодательной техники, который характеризует пандектный принцип построения кодифицированного уголовного законодательства; в математике ему соответствует правило скобок. За скобки выносятся общие положения уголовного законодательства, т.е. положения, которые относятся ко всем без исключения установлениям (Общая часть), находящимся внутри скобок (Особенная часть);

- Особенная часть уголовного права, будучи относительно самостоятельным элементом уголовного права России, в большей мере, чем Общая часть, отражает уголовно-правовую политику государства на определенном историческом этапе. В Особенной части уголовного права наиболее ярко находят отражение такие значимые аспекты уголовно-правовой политики, как криминализация общественно опасных деяний и пенализация деяний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Илизев А.А. Проблемы определения дефиниции Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1 (47) . С. 58 – 63. DOI: 10.37973/KUI.2022.73.91.007.
2. Левитин А.В. Преодоление ограничений: метод деления пополам // Алгоритмы. Введение в разработку и анализ. Москва: Вильямс, 2006. С. 476 – 480.
3. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. Москва: Владос, 1997. 384 с.
4. Лукреций. О природе вещей. Кн. 1 / пер. с лат. Ф. Петровского. Москва, 1983. 383 с.
5. Чучаев А.И., Кизилов А.Ю. Уголовно-правовая охрана представителей власти в XI–XVII вв. // Государство и право. Москва: Наука, 2001. № 6. С. 89 – 96.
6. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
7. Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. Москва: Наука, 1977. № 9. С. 54 – 62.
8. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. Москва: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
9. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. Москва: Юридическая литература, 1975. 184 с.
10. Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования. Москва: Норма: Инфра-М, 2015. 127 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / изд. 2. Т. 13. Москва: Госполитиздат, 1959. 770 с.
12. Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): монография. Москва: Проспект, 2020. 332 с.
13. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2012. 736 с.
14. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. Москва: Норма, 2009. 335 с.
15. Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. 533 с.
16. Уголовное право Российской Федерации. Проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1: Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. автор. колл. А.И. Чучаев. Москва: Проспект, 2022. 728 с.

17. Полный курс уголовного права. Т. 1: Введение в уголовное право / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Академия, 2021. 393 с.
18. Нравственные основы уголовной ответственности: коллективная монография / отв. ред. И.Я. Козаченко. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т, 2018. 158 с.
19. Дьяконов М. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства. Юрьев: Типография Эл. Бергмана, 1905. 139 с.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Москва: АСТ, 2004. 606 с.
21. Полный курс уголовного права. Т. 2: Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Академия, 2021. 616 с.
22. Полный курс уголовного права. Т. 1: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. Санкт-Петербург: Пресс, 2008. 1133 с.

REFERENCES

1. Ilidzhev A.A. Problemy opredeleniya definicii Obshchej chasti Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1 (47). S. 58 – 63. DOI: 10.37973/KUI.2022.73.91.007.
2. Levitin A.V. Preodolenie ogranichenij: metod deleniya popolam // Algoritmy. Vvedenie v razrabotku i analiz. Moskva: Vil'yams, 2006. S. 476 – 480.
3. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Slovar' po logike. Moskva: Vlados, 1997. 384 s.
4. Lukrecij. O prirode veshchej. Kn. 1 / per. s lat. F. Petrovskogo. Moskva, 1983. 383 s.
5. CHuchaev A.I., Kizilov A.YU. Ugolovno-pravovaya ohrana predstavitelej vlasti v XI–XVII vv. // Gosudarstvo i pravo. Moskva: Nauka, 2001. № 6. S. 89 – 96.
6. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoj politiki: monografiya. Moskva: YUritinform, 2012. 328 s.
7. Zlobin G.A., Kelina S.G., YAKovlev A.M. Sovetskaya ugolovnaya politika: differenciaciya otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. Moskva: Nauka, 1977. № 9. S. 54 – 62.
8. Korobeev A.I. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya. Moskva: YUritinform, 2019. 352 s.
9. Demidov YU.A. Social'naya cennost' i ocenka v ugolovnom prave. Moskva: YUridicheskaya literatura, 1975. 184 s.
10. Filimonov V.D. Genezis ugolovno-pravovogo regulirovaniya. Moskva: Norma: Infra-M, 2015. 127 s.
11. Marks K., Engel's F. Sochineniya / izd. 2. T. 13. Moskva: Gospolitizdat, 1959. 770 s.
12. Aguzarov T.K., Gracheva YU.V., CHuchaev A.I. Ugolovno-pravovye problemy ohrany vlasti (istoriya i sovremennost'): monografiya. Moskva: Prospekt, 2020. 332 s.
13. Mal'cev G.V. Mest' i vozmezdie v drevnem prave: monografiya. Moskva: Norma: Infra-M, 2012. 736 s.
14. Hristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii / nauch. red. K.V. Harabet, A.A. Tolkachenko. Moskva: Norma, 2009. 335 s.
15. Bespal'ko V.G. Vethozavetnye korni ugolovnogo prava v Pyatiknizhii Moiseya. Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr, 2015. 533 s.
16. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Problemnyj kurs dlya magistrantov i aspirantov. V 3 t. T. 1: Vvedenie v ugolovnoe pravo / pod obshch. red. A.N. Savenkova; nauch. red. i ruk. avtor. koll. A.I. CHuchaev. Moskva: Prospekt, 2022. 728 s.
17. Polnyj kurs ugolovnogo prava. T. 1: Vvedenie v ugolovnoe pravo / pod red. A.I. Korobeeva. Sankt-Peterburg: Akademiya, 2021. 393 s.
18. Nravstvennye osnovy ugolovnoj otvetstvennosti: kollektivnaya monografiya / отв. ред. И.Я. Козаченко. Екатеринбург: Урал'skij gos. jurid. un-т, 2018. 158 с.
19. D'yakonov M. Ocherki istorii russkogo prava. Istoriya ugolovnogo prava i sudoproizvodstva. YU'ev: Tipografiya El. Bergmana, 1905. 139 s.
20. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih времен. Moskva: AST, 2004. 606 s.
21. Polnyj kurs ugolovnogo prava. T. 2: Ugolovnoe pravo i ugolovno-pravovaya politika. Ugolovnyj zakon / pod red. A.I. Korobeeva. Sankt-Peterburg: Akademiya, 2021. 616 s.
22. Polnyj kurs ugolovnogo prava. T. 1: Prestuplenie i nakazanie / pod red. A.I. Korobeeva. Sankt-Peterburg: Press, 2008. 1133 s.

Информация об авторе:

Илиджев Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0001-6624-7688, ilidsasha@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ilijev Alexander A., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, ORCID: 0000-0001-6624-7688, ilidsasha@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 11.01.2022.

Статья принята к публикации: 22.03.2023.

Статья опубликована онлайн: 24.03.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю